

После окончания гимназии в 1907 году я твердо решил стать естествоиспытателем и поступил в августе того же года на естественное отделение физико-математического факультета Киевского Университета.

В те годы в учебных планах университетов не было биологических факультетов; биологические дисциплины читались на естественном отделении единого физико-математического факультета, вот почему на первом курсе мы слушали высшую математику, курс высшей физики, неорганическую химию, минералогию

с кристаллографией и общие курсы биологического цикла.

Я вместе со своим товарищем по гимназии и земляком-волынчанином Е.В. Бобко – впоследствии известным специалистом по микроэлементам и их роли в питании растений – начали усердно ходить на лекции, хотя посещение их тогда не было обязательным.

Особенно нам нравились лекции профессора (впоследствии академика) Д.Д. Граве — известного в то время крупного математика. Он удивительно ясно излагал сложнейшие вопросы высшей математики, а записи и чертежи на доске делал столь красиво, что, казалось, их выполнила рука искусного чертёжника. Всегда изы-

сканно одетый, с немолодым, но красивым, бритым лицом, Граве представлялся нам учёным, который, кроме своей науки, ничего не знает и не ведаёт. Каково же было наше удивление, когда в театре Бергонье (сейчас это русский драматический театр им. Леси Украинки в Киеве), где ставились фарсы, т. е. пьесы скабрёзного характера, мы увидели в антракте прохаживающегося в фойе нашего уважаемого профессора. Смущённые, мы ретировались в сторону.

Нам казалось неудобным встретиться здесь, в театре, где ставят фарсы, со своим профессором. Конечно, мы не подумали о том, удобно ли такому крупному учёному смотреть фарсы.

В театр на фарс мы попали случайно. В числе ведущих артисток фарса была тётка Е.В. Бобко. Она вызвала моего товарища к себе письмом, чтобы повидаться с ним, и мы – два друга – пошли к ней вместе. Тётка Е.В. Бойко оказалась уже немолодой, но ещё стройной и красивой женщиной. В результате нашего визита мы получили два бесплатных билета в партер, хотя артистка, шутя, и говорила:

«Может быть, Вам на фарс и не следует ходить, – а впрочем, – сказала она, – посмотрите и на этот вид модного теперь театрального искусства». В тот вечер ставился фарс «Я умер». В нём немного смешного, но много и фривольного.

Смотрели мы на фарс без особого интереса, хотя временами было и смешно. Мы больше наблюдали за Граве, сидевшем впереди нас, и следили, как он смотрит на сцену и реагирует на ход разворачивающихся комических и пикантных действий на сцене.

В антракте зашли за сцену в артистическую комнату, чтобы поблагодарить артистку – тётку Бобко – за билеты и за её игру. А играла она действительно непринуждённо и увлекала зрителя.

Мы получили ещё два бесплатных билета. Попросили их потому, что хотели узнать, будет ли Граве на следующем спектакле. И мы снова увидели нашего профессора. В антракте мы встретились и поздоровались.

«Что же это Вы, молодые люди, – обратился к нам Граве, – любители фарса? Пожалуй, Вам, да ещё и естественникам, посещать фарс не следовало бы». Тут мы принуждены были сознаться, каким путём попали на фарс и упомянули фамилию артистки, предоставившей нам билеты.

– Ну, а Вам, Дмитрий Дмитриевич, – обратились мы робко к Граве, – нравится ли этот спектакль?

На это он нам ответил, что с удовольствием посещает спектакли фарса, потому что он имеет к ним некоторое отношение. Так мы

и не узнали, какое это «отношение», но некоторые студенты утверждали, что Граве – автор не только крупнейших математических работ, но и текстов некоторых фарсов. Думаю, что это были досужие вымыслы, основанные только на том, что Граве любит весёлый жанр и поэтому посещает театр, где ставятся фарсы.

Кстати, после постановки фарса «Амур и К^о», о котором афиши вещали, что «гвоздь сезона» в нём – это ванная комната, театр оштрафовали «за безнравственный показ голый женщины», как мы потом узнали. Театр принуждён был показывать голую женщину, но в тюлевой тоге, а это разрешалось.

Знакомство с Граве обязывало нас хорошо подготовиться к экзамену, что мы и сделали, удостоившись получить на экзамене у строгого экзаменатора оценку «весьма удовлетворительно» (тогда в университете это был высший балл).

Другой профессор университета, который привлёк наше внимание, был Алексей Николаевич Северцов. Он читал лекции в самой большой аудитории, которая могла вместить до тысячи студентов. На лекции Северцова приходили не только естественники, но и студенты других факультетов (даже филологи и юристы).

Когда Северцов входил в аудиторию, он сразу же приковывал к себе всеобщее внимание и своей внешностью – некрасивое, землистого цвета оспенное лицо, – и своим каким-то неведомым нам контактом, который сразу устанавливал со слушателями. И лицо его становилось привлекательным, располагающим к себе.

Дарвинизм тогда в вузах не читался, но Северцов уже в 1907 году излагал курс зоологии с дарвинистических позиций. Он был столь эрудированным и интересным лектором, что его можно было слушать с захватывающим интересом, забывая время, которое на его лекциях проходило незаметно. Самое интересное было то, что он даже скучные вопросы из курса зоологии низших (беспозвоночных) умел излагать увлекательно, интересно и в то же время глубоко. Разбираемый вопрос связывал с примерами из литературы, искусства, современной жизни.

Своими лекциями он навлёк гнев профессора богословия протоиерея Соколова, читавшего обязательный тогда для студентов всех факультетов курс богословия. Соколов выпустил свой «Учебник богословия». Лекции профессора Соколова студенты посещали перед экзаменом по очереди, т. е. негласно составлялся список, когда и кто должен быть на лекции. Этот иерей, с дипломом доктора богословских наук, начинал свою лекцию о Дарвине так: «Богохульник и смрадный еретик Чарльз Дарвин в своём богоот-

ступном сочинении «О происхождении видов путем естественного отбора» утверждает, что всё живое, в том числе и человек, не созданы всевышним, а произошли естественным путём». Далее следовали типичные для богослова силлогизмы, на которых строилось «утверждение», что учение Дарвина неверно, ибо оно богохульно. Заканчивалась лекция о Дарвине напоминанием о «коллеге Северцове», который стоит на ложных позициях и излагает «извечный порядок, созданный Творцом» с позиций, идущих в разрез с подлинной наукой» (т. е., с его точки зрения, в разрез с богословием).

Мы только год слушали А.Н. Северцова, далее он перешёл на работу в Москву. Классические работы Северцова посвящены вопросам эволюционной морфологии и закономерностям эволюционного процесса. Его теория соотношения индивидуального и исторического развития, названная им филэмбриогенезом, и в наше время является общепризнанной.

В 1920 году А.Н. Северцов был избран академиком. Умер в 1936 году.

Киевский университет по праву может гордиться тем, что в его стенах долгое время работал корифей нашей отечественной науки профессор ботаники Сергей Гаврилович Навашин. Работы Навашина получили мировое признание. Он впервые в науке, а не француз Гиньяр, как то пробовали одно время утверждать в Западной Европе, открыл у цветковых растений двойное оплодотворение. Вырвана была у природы величайшая тайна, как и в результате чего происходит развитие зародыша семени и что же представляет собой так называемый эндосперм семени, ради которого мы и выращиваем злаки, т. е. «хлеб наш насущный».

Первые работы Навашина были связаны с изучением морфологии и систематики мхов и паразитных грибов. В дальнейшем Навашин занялся эмбриологическими исследованиями, касающимися процесса оплодотворения у цветковых растений. Навашин стоял на позициях естественно-научного материализма. Он был прогрессивно настроенным человеком.

Я помню, как во время одной из студенческих забастовок я был в числе пикетчиков, и мы не давали возможности «белоподкладочникам» ворваться в аудиторию и тем самым создать видимость, что забастовки нет. Дело доходило даже до рукопашной со штрейкбрехерами. Вдруг во время этой потасовки появился Навашин и заявил белоподкладочникам: «Раз мои слушатели отсутствуют, я читать Вам лекцию не буду. Прошу очистить мою аудиторию».

Мы, восхищённые, жали руку любимому профессору и жали крепко, от души. А он болезненно улыбался. Оказалось, у него правая была поражена плекситом, и наши рукопожатия, очевидно, причинили ему боль.

Навашин был очень требовательным экзаменатором. На государственном экзамене в 1911 году он поставил неудовлетворительный балл одному экзаменовавшемуся студенту только за то, что тот назвал плод бобовых стручком, а не бобом. Несмотря на вмешательство председателя Государственной Комиссии проф. Койяловича, разрешившего провалившемуся взять второй билет, Навашин отказался его экзаменовать: «Мы не можем, – сказал он, – выпускать невежд».

В 1918 году Навашин был избран академиком.

Последний раз я видел Навашина в 1928 году на Ботаническом съезде в Ленинграде, на котором он председательствовал. Мы встретились как старые друзья. Вспомнили Киевский университет. Навашин был, как всегда, приветлив, благожелателен. Так он обычно разговаривал с людьми.

Умер Навашин в 1930 году.

В Киевском университете долгое время украшал кафедру физиологии растений и микробиологии профессор Константин Адрианович Пуриевич. Он получил широкую известность, благодаря своим исследованиям процессов дыхания растений, установив зависимость между изменением температуры и величиной дыхательного коэффициента. Он также установил, что на долю фотосинтеза – этого важнейшего физиологического процесса, который происходит только при свете и только в присутствии зелёного пигмента растений – хлорофилла, приходится всего от 0,6 до 0,7 процента всей солнечной энергии, поглощаемой листом. Пуриевич, кроме того, написал «Краткий курс ботаники», изумительный по лаконизму и ясности изложения учебник для студентов.

Мне редко приходилось видеть такого отзывчивого и чуткого человека, каким был Пуриевич. Я у него работал в лаборатории физиологии растений и вёл интересную тему об электрических токах в растениях. Мне нужно было научиться делать длинные и тонкие капиллярные трубки, чтобы пользоваться капиллярным электрометром Липмана. Пуриевич меня познакомил с искусным стеклодувом Коляндыком – ассистентом проф. Косоногова – и попросил его, чтобы тот разрешил мне пользоваться его лабораторией.

Узнав, что я с 9-ти часов утра должен быть на уроках в Музыкальном училище, К.А. Пуриевич разрешил мне пользоваться ла-

бораторией до 10-ти часов вечера, что было в то время большим нарушением внутренних университетских правил.

Он любил музыку, ходил на камерные концерты. Читал лекции блестяще, но на мелочах не останавливался, говорил больше о поисках в разрешении того или иного вопроса, знакомил нас с последними новинками в области физиологии растений.

Он рекомендовал своим ученикам при выборе темы не только отечественную литературу, но и иностранную. Обычно указывал схему, по которой, по его мнению, нужно было бы разрешить данный вопрос. Каждые две недели нужно было являться к Пуриевичу и докладывать, что сделано за этот отрезок времени. Многие его ученики удостоились получения университетской медали за выполненную научную работу. Студенты были частыми посетителями его гостеприимного дома.

Пуриевич умер в расцвете своих творческих сил в 1916 году на 50-ом году жизни.

У Пуриевича начал свою научную деятельность Николай Григорьевич Холодный (1882–1953) – высокий молодой человек, обладавший большими знаниями в области физиологии и микробиологии растений. Он пользовался всеобщим уважением у студентов за идеальную демонстрацию опытов на лекциях Пуриевича.

Как ассистент он вёл курс практических занятий по физиологии растений и микробиологии. На занятиях он, в полном смысле этого слова, священнодействовал.

Весьма содержательно он проводил практические занятия по микробиологии. Холодный завёл правило: в лабораторию микробиологии являться в белых халатах (и мы были вынуждены их заказывать) и тщательно соблюдать все правила, установленные методикой микробиологического эксперимента, без какой бы то ни было скидки. Обычно спокойный и выдержанный, он становился другим, если видел, хотя бы малейшее нарушение установленных правил.

После смерти Пуриевича Холодный стал его преемником, а в годы Советской власти – академиком Украинской Академии наук. Его перу принадлежат работы, получившие широкую известность. В их числе фитогормональная теория тропизмов, исследования о ростовых движениях растений, классическое исследование о железобактериях и много других.

У профессора Навашина работал ассистентом, впоследствии ставший известным геоботаником, В.Н. Хитрово. Он был неутомимый флорист, большой знаток флоры и растительности средней полосы России и Западной Сибири. В 1910 году Хитрово получил звание магистранта ботаники. По инициативе Навашина Хитрово поручено было дать «пробную» лекцию для того, чтобы его можно было представить к утверждению в звании приват-доцента по курсу «Растительные сообщества Европейской части России». На пробную лекцию собрался весь синклит физико-математического факультета. Пришли и мы, студенты-естественники. Кафедра и демонстрационный стол ботанической аудитории, в которой Хитрово должен был читать лекцию, были отгорожены от студентов барьером. Хитрово начал лекцию. Ему понадобились таблицы и гербарные образцы, которые почему-то находились за барьером, там, где обычно сидят студенты. И Хитрово, чтобы сократить время, перепрыгнул при всем учёном синклите через барьер, высоко подняв одну, а затем другую ногу. Это и решило исход лекции. Она была признана неудовлетворительно прочитанной, несмотря на протесты Навашина. Лишь в этом же году, после второй пробной лекции, Хитрово получил звание приват-доцента.

Одевался Хитрово оригинально: ходил в сапогах и носил не пиджак, а какую-то короткую куртку. Как нам рассказывал Н.Г. Холодный, прыжок и костюм сыграли свою роль в отрицательной оценке, данной на первой лекции Хитрово.

Я не могу не отметить, что уже в наше время, Хитрово, изучая биологическое значение полового способа воспроизведения у растений, стремился развить идеи Т.Д. Лысенко. В жизни Хитрово был оптимистически настроенным, простым, доступным человеком. Студенты его очень любили.

Умер В.Н. Хитрово 7 июня 1949 года на 71-ом году жизни.

Мне хочется рассказать ещё об одном выдающемся учёном, который в университете читал курс геологии, палеонтолог и палеоботаники. Я имею ввиду Николая Ивановича Андрусова.

Исследования Андрусова о характере, составе и распределении верхне-третичных отложений Черноморско-Каспийского

района России и Юго-Восточной Европы являются классическими, пользуются мировой славой и не утратили своего значения в наше время.

Интересны его работы в области теории образования нефти. А в своих палеонтологических работах о некоторых ископаемых Евразии и групп верхне-третичных моллюсков он дал объяснение причин вымирания видов с точки зрения дарвиновской теории.

Я впервые увидел, а затем и познакомился с Н.И. Андрусовым при несколько необычном стечении обстоятельств. Перед началом занятий в университете я с земляком Е.В. Бобко решили осмотреть университет. Мы заглянули в аудитории, побывали в огромных и богатых зоотомическом и палеонтологическом музеях, увидели раскрытые двери церкви и лежащего там на возвышении покойника-старика. Посмотрев на покойника, мы пошли дальше и вышли к настезь открытым дверям кабинета петрографии и палеонтологии. Сюда рабочие вносили ящики, которые вскрывал и вынимал оттуда камни какой-то лысый человек с окладистой русой бородой. Человек был просто одет, у него в руках были клещи и топорик.

Мы, полагая, что это служитель кабинета, обратились к нему с такими словами: – Дядя, не знаешь ли, кто это умер и в церкви лежит в гробу?

– А это Осип Васильевич Баранецкий – университетский профессор ботаники и физиологии, – ответил нам «дядя», не отрываясь от работы по вскрытию ящиков.

– А что это за ящики ты разбиваешь? Что это за камни, они купленные или собранные?

«Дядя» ответил, что это горные породы и камни, собранные во время экспедиции. Вдруг, к этому «дяде» подошёл вышедший из

соседней комнаты, хорошо одетый человек и почтительно к нему обратился с каким-то вопросом, назвав его Николаем Ивановичем.

– А Вам, молодые люди, что нужно? – сказал он.

Но за нас ответил знакомый нам уже «дядя».

– Вот они интересуются, кто это в церкви в гробу лежит и что в этих ящиках.

Мы поняли, что попали впросак. Впоследствии мы узнали, что разговаривавший с нами «дядя» был никто иной как профессор Андрусов, а хорошо одетый человек – его ассистент. Велико было наше смущение, да и стыд. Ведь мы-то обращались к «дяде», как тогда было принято, на «ты». Мы боялись показаться на глаза Андрусову.

Но через три года мы с ним встретились. Андрусов должен был читать курс геологии и палеонтологии. На первой же лекции Андрусов нас сразу узнал. «А, мои старые знакомые!» Студенты с некоторой завистью на нас посмотрели. Вот, ведь, знакомы, да с кем! – С профессором Андрусовым!

Следует сказать, что этот крупный учёный читал лекции неинтересно. Читал их по своему пожелтевшему от времени тексту и для того, чтобы не сбиться, водил по строчкам пальцем. Однажды даже произошёл конфуз: вместо того, чтобы прочитать «кожицы становятся толстыми», Андрусов прочитал по рассеяности: «китайцы становятся толстыми». Видя наши весёлые лица, Андрусов, не смущаясь, сказал: «Что-то я Вам тут не то прочитал». Очков он не носил, а зрение, видимо, уже ослабло, ибо текст он держал далеко от глаз.

Но когда Андрусов рассказывал о геологии Крыма, о строении дна Чёрного и Каспийского морей, он становился интересным и увлекательным лектором.

Несмотря на то, что в целом лекции Андрусова были малоинтересными и вызывали сон, студенты его очень любили и уважали. Его всегда сравнивали с реакционно настроенным нашим профессором минералогии Армашевским, и сравнение было не в пользу Армашевского. Армашевского даже насмешливо называли «Армашитом» – так будто бы назвал Армашевский открытый им «новый» минерал, который оказался давно уже известным в науке.

В 1914 году Андрусов был избран академиком. Умер в 1924 году на 63-м году жизни.

Продолжение следует